

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Холодное сердце. Часть первая, стр. 4

– Еще чего вздумал! – возразил шварцвальдец. – Я волен петь, что хочу! Ну–ка, отпусти мою руку, не то...

– Нет, ты мне скажешь, что пел! – в ярости кричал Петер, еще крепче сжимая парню руку.

Увидев это, двое других немедленно кинулись на Петера с кулаками и дубасили до тех пор, пока он от боли не выпустил рукав третьего и, обессилив, не рухнул на колени.

– Ну и поделом тебе! – смеясь, сказали парни. – А наперед запомни – с такими, как мы, шутки плохи!

– Запомнить–то я, конечно, запомню, – вздыхая, ответил Петер–угольщик. – Но теперь, когда вы все равно меня отдубасили, будьте так добры, скажите, что он пел!..

Они снова расхохотались и стали над ним издеваться; но парень, который пел песню, сказал ему слова, после чего они, смеясь и распевая, двинулись дальше.

– Значит, увидел, – пробормотал бедняга; весь избитый, он с трудом поднялся на ноги. – «Взывал» рифмуется с «увидал». Теперь, Стекланный Человечек, давай с тобой еще разок перемолвимся словом!

Он возвратился в дом, взял шляпу и посох попрощался с хозяевами и отправился опять на Еловый Бугор. Медленно и задумчиво шел он своей дорогой, – ведь ему непременно надо было вспомнить стишок; наконец, когда он уже всходил на бугор, где ели обступали его все теснее и становились все выше, стишок вдруг вспомнился сам собой, и он от радости даже подпрыгнул.

Тут из–за деревьев выступил огромный детина в одежде плотовщика, держа в руке багор длиной с корабельную мачту. У Петера Мунка подкосились ноги, когда он увидел, что великан медленно зашагал рядом с ним, ибо он понял, что это не кто иной, как Голландец Михель. Страшный призрак шел молча, и Петер, в страхе, украдкой поглядывал на него. Он был, пожалуй, на голову выше самого высокого человека, которого Петер когда–либо видел, лицо его, хоть и сплошь изрытое морщинами, казалось не молодым и не старым; одет он был в парусиновую куртку, а огромные сапоги, натянутые поверх кожаных штанов, были знакомы Петеру из предания.

– Петер Мунк, зачем пришел ты сюда, на Еловый Бугор? – спросил наконец лесовик низким глухим голосом.

– Доброе утро, земляк, – отвечал Петер, делая вид, что ничуть не испугался, хотя на самом деле дрожал всем телом, – я иду через Еловый Бугор к себе домой.

– Петер Мунк, – возразил великан, метнув на юношу страшный, пронзительный взгляд, – через эту рощицу твой путь не лежит.

– Ну да, это не совсем прямой путь, – заметил тот, – но сегодня жарко, вот я и подумал, что здесь мне будет попрохладней.

– Не лги, Петер–угольщик! – громовым голосом вскричал Голландец Михель. – Не то я уложу тебя на месте вот этим багром. Думаешь, я не видел, как ты клянчил деньги у гнома? – добавил он чуть мягче. – Положим, то была глупая затея, и хорошо, что ты позабыл стишок, ведь коротышка–то скупердай, много он не даст, а если кому и даст, тот не возрадуется. Ты, Петер, горемыка, и мне от души тебя жаль. Такой славный, красивый малый мог бы заняться чем получше, а не сидеть день–деньской возле угольной ямы! Другие так и сыплют талерами или дукатами, а ты едва можешь наскрести несколько грошей. Что это за жизнь!

– Ваша правда, жизнь незавидная, ничего тут не скажешь!

– Ну, для меня это сущий пустяк, – я уже не одного такого молодца вызволил из нужды, – не ты первый. Скажи–ка, сколько сотен талеров понадобится тебе для начала?

Тут он потряс деньгами в своем огромном кармане, и они зазвенели как нынешней ночью в Петеровом сне. Но сердце Петера при этих словах тревожно и болезненно сжалось; его бросало то в жар, то в холод, не похоже было, что Голландец Михель способен дать деньги из жалости, ничего не требуя взамен. Петеру вспомнились таинственные слова старого дровосека о богатых людях, и, полный неизъяснимого страха, он крикнул:

– Большое спасибо, сударь, только с вами я не хочу иметь дело – ведь я вас узнал! – и побежал, что было прыти. Но лесной дух огромными шагами следовал за ним, глухо и грозно ворча:

– Ты пожалеешь об этом, Петер, на лбу у тебя написано и по глазам видно – меня тебе не миновать. Да не беги ты так быстро, послушай разумное слово, вот уже и граница моих владений!

Но как только Петер это услышал и заметил впереди неширокую канаву, он помчался еще быстрее, чтобы поскорее пересечь границу, так что Михелю под конец пришлось тоже прибавить шагу, и он гнался за Петером с бранью и угрозами. Отчаянным прыжком юноша перемахнул через канаву, – он увидел, как лесовик занес свой багор, готовясь обрушить его на голову Петера; однако он благополучно прыгнул на ту сторону, и багор разлетелся в щепы, словно ударясь о невидимую стену, только один длинный обломок долетел до Петера.

Торжествуя, подобрал он обломок, чтобы швырнуть его назад грубияну Михелю, но вдруг почувствовал, что кусок дерева ожил в его руке, и, к ужасу своему, увидел, что держит чудовищную змею, которая тянется к нему, сверкая глазами и алчно высывая язык. Он выпустил ее, но она успела плотно обвиться вокруг его руки и, раскачиваясь, понемногу приближалась к его лицу. Вдруг раздался шум крыльев, и откуда–то слетел огромный глухарь, он ухватил змею за голову своим клювом и взмыл с нею в воздух, а Голландец Михель, видевший с другой стороны канавы, как змею унёс некто посильнее его, завыл и затопал от ярости.

Едва отдышавшись и еще весь дрожа, Петер продолжал свой путь; тропа делалась все круче, а местность все пустыннее, и вскоре он снова очутился возле громадной ели. Он принялся, как вчера, отвешивать поклоны Стекланному Человечку, а потом произнес:

Хранитель Клада в лесу густом!Средь елей зеленых таится твой дом.К тебе с надеждой всегда взывал,Кто в воскресенье свет увидел.

– Хоть ты и не совсем угадал, Петер–угольщик, но тебе я покажусь, так уж и быть, – проговорил тонкий, нежный голосок поблизости от него.

Петер в изумлении оглянулся: под красивой елью сидел маленький старичок в черной курточке, красных чулочках и огромной шляпе. У него было тонкое приветливое личико, а борода нежная, словно из паутины, он курил – чудеса, да и только! – синюю стеклянную трубку, а когда Петер подошел поближе, то еще больше удивился; вся одежда, башмаки и шляпа Человечка были тоже из стекла, но оно было мягкое, словно еще не успело остыть, ибо следовало за каждым движением Человечка и облегало его, как материя.

– Тебе, значит, повстречался этот разбойник, Голландец Михель? – сказал Человечек, странно покашливая после каждого слова. – Он хотел тебя хорошенько напугать, да только я отобрал у злыдня его хитрую дубинку, больше он ее не получит.

– Да, господин Хранитель Клада, – ответил Петер с глубоким поклоном, – я было здорово испугался. А вы, значит, и были тот глухарь, что заклевал змею, – нижайшее вам спасибо. Я пришел сюда, чтобы просить у вас совета и помощи, уж больно мне худо живется, угольщик, он угольщиком и останется, а ведь я еще молод, вот я и подумал, что из меня могло бы выйти кое–что получше. Как посмотрю на других,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

сколько они нажили за короткое время, – взять хотя бы Эзекиля или Короля Танцев – у них денег куры не клюют!

– Петер, – с величайшей серьезностью сказал Человечек, выпустив длинную струю дыма из своей трубки. – Петер, об этих двоих я и слышать не хочу. Какая им польза от того, что они несколько лет будут здесь слыть счастливыми, зато потом станут тем несчастнее? Не презирай свое ремесло, твой отец и твой дед были достойные люди, а ведь они занимались тем же делом, что и ты, Петер Мунк! Не хотел бы я думать, что тебя привела сюда любовь к праздности.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) 4 [5](#) [6](#) [7](#) >> [Дальше](#)